

18+ Тариса Вайсерова

Скелеты в шкафу

Лариса Вайсерова

Скелеты в шкафу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63584271

ISBN 9785005197153

Аннотация

У всех есть свои скелеты в шкафу. У кого-то они вполне себе безобидные. У кого-то не очень. Эти рассказы про те самые скелеты. Некоторые рассказы совершенно фантастические, некоторые «пригласили» своих героев из жизни. Хоть все совпадения случайны. Некоторые рассказы ранее были опубликованы отдельными книгами.

Содержание

Велосипед	5
Соседи	12
Фикус	22
Тухляк	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Скелеты в шкафу

Лариса Вайсерова

© Лариса Вайсерова, 2020

ISBN 978-5-0051-9715-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Велосипед

– Мааам, ну, мам, можно мне велик?

– Валя, ты достала! Возьми у брата. Куда ставить то твой велик? Нет!

– Мам, он не даёт совсем! Давай мне мой велик купим! Ну, пожалуйста. Каникулы же, я что целое лето буду вот так сидеть?

– Хорошо, но хранить будешь в подвале!

– В подвале!?! Ладно, согласна!

Велик был куплен. Красный металлик Stells, со всеми наворотами. Родители любили и баловали двенадцатилетнюю Валю. Просто они жили в совсем обычной, хоть и достаточно большой квартире в старом домке-пятиэтажке. На два велика в доме места просто не хватало. Оставался подвал.

Подвал, где каждой квартире принадлежала клетушка. Свет в этом подвале был, из двух тусклых лампочек и только в коридорчике. Сами клетушки не освещались, разве что фонариком, или свечой. Жители хранили там овощи и всякий хлам. В подвале странно пахло, окно было под самым потолком, крохотное такое оконце, в него и свет уже не попадал совсем, по причине его грязности. Подвал запирался, на старый скрипучий замок. И лестница, отвратительно кривая, из непонятно какого материала, будто оплывшая. Классическое место из частушек-саяшек. На выходе хотелось

побыстрее пролететь по этой лестнице так, чтобы камешки из-под подошв вылетали, быстренько щелкнуть выключателем возле входной двери, скрипнуть стариком-замком и – вот оно, солнышко, жара, велик и педали под ногами. Скорость и счастье.

Валька мужественно спускалась в подвал почти каждый день. Скрипела замком, мысленно шептала себе, что и не страшно совсем. Все же жильцы сюда ходят и ничего! Добиралась на цыпочках до клетушки с великом, стараясь не дрожать руками открывала навесной замочек клетки и вытаскивала своего пламенного друга в коридорчик. Своей красной рамой он перламутрово отсвечивал Вальке, вселяя в неё крохи мужества. Та быстренько вешала замочек на клетушку, щелк... велик рамой на плечо и на выход, быстрее, быстрее...ничего, что тяжело, вот они, эти двадцать корявых ступенек... всё... можно выдохнуть, закрыть подвальную дверь, свобода!!! О том, что еще вечером нужно будет вернуть в подвал своего железного друга, Вальке думать не хотелось. Вариантов всё равно не было. Брат не согласится покинуть свою «парковку» в коридоре. А в подъезде не поставишь – площадки такие маленькие, да и не прицепить никак. Стащат, как пить дать – стащат! Значит вечером опять подвал. В сумерки, что еще страшней. В общем, Валька отрывалась по полной, каталась доупаду, чтобы, устав, уже не так заморачиваться подвальными страхами.

Однажды, придя за великом, Валька услышала шёпот, го-

лос был детский, Валька даже пугаться не стала, решила, что за ней кто-то из детей пробрался: «Девочка, давай дружить!»

– Ты кто? – Валька даже обалдела, её во двор знали все, от самых малявочных малышей, до взрослых. А тут «девочка»!!!

– Я тут живу...

– Так не бывает! Как это живёшь? Это же подвал! Здесь нельзя жить! Ты бомж что ли?

– Бомж? Ну..., да..., бомж. Давай с тобой дружить, мне так скучно здесь одной, а ты приходишь часто. Тебе же не жалко будет дружить со мной?

В коридорчик из закутка, вышла тощенькая мелкая девочка, со спутанными волосами-сосульками, в драных штанах, каких-то нелепых тапках и грязной серой футболке.

Валька была нормальной девчонкой, ей было не жалко дружить, пусть даже с девочкой, которая живёт в подвале.

Вальке настолько было жалко эту оборванную и грязную девчонку, что прям хоть плачь... она даже бояться перестала. Надо же, кто-то здесь может жить!

– Может ты есть хочешь?

– Есть? Нет пока. Я тебе скажу, ты первая узнаешь..., давай просто поиграем. У меня здесь настоящий домик!

– Домик? Как его никто не увидел из взрослых?

– Так тут всегда тень и никто сюда не заходит, здесь же никто ничего не хранит, сама смотри...

Действительно, настоящий домик! С топчанчиком, лавоч-

кой и кривым столиком. Для Вальки такой домик выглядел почти дворцом! У Вальки челюсть отвалилась, она даже забыла, что девочка имени своего не назвала. Да и, может, у бомжей не всегда бывают свои собственные имена. Валька не сильна была в этом. Бомжи – это из другого мира. А тут настоящая девочка, домик тут у неё. Вальке было интересно до невозможности.

– Давай поиграем – у Вали все мысли были уже не про велик, стоявший в коридорчике, а про домик и в голове уже были просто нескончаемые интересности, в которые можно тут играть – в семью, давай, а?!

– Хорошо, поиграем – девочка заулыбалась – только ты велосипед свой поставь сюда, а то вдруг кто придёт, нам помешает...

– Точно, сейчас поставлю, а то еще влетит от кого-нибудь из соседей, да и родителям скажут – Валька утащила велик к стене в домике, он туда прекрасно влез и не был больше виден из тускло освещенного коридорчика – так как же мне тебя звать, подружка? – Валька снова спросила оборвыша

– Вот и зови подружкой. Мы же подружки? Правда?

– Подружки!

Никогда у Вальки не было столь экзотической подруги. Ей было так интересно, что она напрочь забыла о времени, о том, что ей хотелось покататься, что на улице прекрасный солнечный день. В каморке, что принадлежала Валькиным родным, было собрано много всякой всячины – тряпки, ста-

рые одеяла и подушки, игрушки, из которых выросли Валька с братом. Сейчас она многое перетаскала в домик своей новой знакомой. Она с трудом вспомнила про то, что ей нужно вернуться домой.

Впервые Валька прыгала по ступенькам нелюбимого подвала радостно, не торопясь. За спиной оставался не пыльный страшный подвал. За спиной была тайна, новая знакомая и огромное количество планов.

Месяц Валька каждый день бегала играть в подвал к новой подружке. Она даже не вытаскивала больше велосипед. Она вообще про него не вспоминала. Пока однажды вечером мать не спросила её про то, где и когда она катается. Валька удивилась, с чего такие вопросы? Оказалось, одна из её подружек-соседок по подъезду спросила мать о том, почему она так надолго наказала Вальку и не выпускает гулять.

На следующий день, спустившись в подвал, Валька вытащила свой велик в коридорчик.

– Ты не будешь со мной больше дружить? – подружка по играм в подвале смотрела на Вальку глазами полными слёз, как показалось Вальке...

– Буду, но если родители узнают про тебя, то тебя выгонят отсюда, а меня накажут... сегодня я поеду покатаюсь, с друзьями

– Я поняла, знаешь, точно, ты должна ехать. На минутку спрячь свой велосипед в домик, я хочу сказать тебе одну очень, очень важную вещь и ты потом покатаешься, если за-

хочешь...

– Ты хочешь сказать мне секрет?

– Секрет? Ну, да, очень важный секрет!

Валька спрятала велик и подседа на топчанчик к подружке.

– Помнишь, я сказала тебе, что ты первая узнаешь о том, что я хочу есть? – подружка шептала прямо в ухо

– Ну, да – Валька удивленно попыталась поднять голову, но почему то не смогла...

– Так вот, я очень хочу есть... – голос подружки стал каким то скрипучим, как металлом об металл...

Валька попыталась встать, сказать, что вот она сейчас быстренько сбегает домой, принесет какой-нибудь еды. Булок, в конце концов, или сделает бутерброды... но не смогла даже пошевелиться. Она могла только смотреть на то, во что вдруг стала превращаться её подружка. Из Валькиных глаз потекли слёзы, так ей стало страшно. Вальке захотелось крикнуть, завизжать, сделать хоть что-то. Ей, наверное, снится страшный сон. Она сейчас завизжит и проснётся. Мама прибежит, успокоит её, скажет, что это только сон и уже всё, всё. А потом будет новый день, игры и куча всего интересного и весёлого. Но она могла только смотреть. А потом ей стало больно, недолго. Потом стало всё равно. И как-то накатила слабость. Валька уже не хотела шевелиться, ни кричать, она хотела просто закрыть глаза.

Её нашли через два дня, когда родители, не надеясь на по-

лицию и волонтёров стали с соседями вместе обходить все Валькины любимые места. Она сидела в закутке подвала, на полу, держась за раму своего Stells-a. Нашли её соседи. Родителей не подпустили к ней. Сразу вызвали полицию. Из четырёх приехавших полицейских двое потеряли сознание, двое с трудом сдерживали свой ужас. Возле велика сидела мумия Вальки.

Соседи

Пожилая женщина лет шестидесяти, сидя в кресле, тяжело вздыхала: «Помню...»

– Катюша, к нам переехали новые соседи, там, вроде как, дети есть. Будет тебе с кем играть! – мама позвала дочку на кухню, чтобы сообщить новость. Квартира с альковым уже давно пустовала. На их площадке в доме было всего три квартиры, в одной жила Катюша с мамой, папой, бабушкой, кошкой, рыбками и черепахой. В другой жила семья, с которой Катюшины домашние дружили, обменивались поздравлениями, тортами и прочими вкусняшками, оставляли ключи на «всякий пожарный», в общем, были достаточно близки. А третья квартира пустовала. Когда-то там жила старушка, милая и общительная. Катюшка ей помогала – покупала ей хлеб, молоко и снежок. Бабушка угощала девочку «стеклянными» карамельками. Так что Катюшка знала, что это за квартира такая, необычная, с альковым. Если Катюшку спрашивали о том, что же это такое, то она отвечала, что мол, это как комната, только без дверей, там можно шторы повесить, чтобы прям настоящая комната получилась. И вот, в эту квартиру въехали новые жильцы.

Мелкая Катюшка, в свои девять, была любопытна, какстая кошек. Она побежала знакомиться сразу, как её отпустили погулять, то есть сразу после завтрака. Было лето, Ка-

тюшка была свободна, как ветер. И она смело нажала кнопку звонка соседей.

Дверь открыл мальчик, он строго смотрел на Катюшку, не пропуская её даже в прихожую.

– Володя, кто там пришел? – в прихожую вышла сухонькая старушка

– Бабушка, не волнуйтесь, вы с мамой разбирайте посуду, а мы тут сами разберёмся – звонкий девчачий голос «подвинул» мальчишку. Катюшку схватили за руку и втащили через прихожую в комнату, где были навалены коробки, мешки и как попало стояла мебель – привет! Я – Оля и она назвала фамилию, которую знал практически любой ребёнок в СССР, фамилию известного спортсмена, это мой брат Вовка, он очень умный и добрый, но делает вид, что злой и вообще выпендривается, не обращай на него внимания, давай, рассказывай кто ты!

– меня Катей зовут, я третий класс закончила в этом году, мы рядом живём, у меня кошка есть и... бабушка, и папа, и мама. А ещё гуппи, я сама покупала, зимой! Чуть не заморозила их! Но домой привезла, вот! А еще есть черепаха, но она все время где-то под шкафами прячется, и больно умеет кусать.

– а мы только приехали, с бабушкой и мамой, я четвёртый закончила, Оля с превосходством посмотрела на Катюшку – старше на целый год, практически вечность для девчонок! – а Вовка в седьмом! С ним совсем не интересно играть, он уже

старый. Зато он умеет делать всякие разные интересные поделки. Потом сама увидишь, он мне обещал. Пошли гулять, а то у нас пока неуютно, сейчас отпрошусь и побежали! Ты мне покажи тут всё.

Оля побежала на кухню, где слышались женские голоса. «Мама, разрешите мне на улицу пойти, с Катей? Она мне тут всё покажет и расскажет!»

«Иди, доченька, а мы пока разберём посуду и приготовим с бабушкой обед» – отпустили Олю.

Девочки бегом преодолели два этажа и выскочили на солнышко во двор.

– ты маму и бабушку на «Вы» называешь? – Катюшкиному удивлению не было предела...

– да, на «Вы» – Оля спокойно ответила, словно объясняла какое-то совсем простое малышу

– но почему?! Это же мама, бабушка! Их же всегда на «ты» называют все! – Катюшка даже заикаться начала от удивления

– а как мы с Вовкой им можем сказать, что очень-очень любим, уважаем, что они для нас самые главные? Мы им помогаем во всём и на «Вы» называем. Нам так нравится. Мы с ним очень стараемся маму и бабушку поддерживать, они же у нас одни!

Для Катюшки, ребёнка избалованного и обласканного сверх меры, это было так удивительно и необычно. Она никогда не задумывалась о том, что родители не только люди, ко-

торым можно топнуть ножкой, зажмурить глаза, типа сейчас заплачешь и... «Хочууу!!!» сразу всё появлялось. Не только «мама пожалей!» и мама дула, гладила по голове, обнимала, и сразу становилось легче. Не только «бабушка, давай есть, я проголодалась! А что, вкусенького ничего нет?» Оказывается, все те, кто, как казалось Катюшке, живут ради её удобства, нуждаются в уважении, заботе и ласке! Вот это да! Катюшка еще никогда не смотрела на привычное с такой точки зрения.

Девочки крепко сдружились, Катюшка практически не «вылезала» от подружки-соседки. Лето прошло, девочки ходили в разные школы, но уроки делали вместе. Катюшка даже учиться стала намного лучше – тянулась за Олей и её братом. Раньше у неё были одни тройки, да и те еле-еле удавалось получать (жалели дочку родители, считали, что еще мала, успеет еще начать учиться, не нагружали учёбой), а теперь ровными рядами в дневнике стояли четвёрки и даже пятёрки. Катюшкина мама даже с благодарностью приходила к тётке Вале, Олиной и Вовкиной маме, говорила о том, что Катюшка стала лучше, что дети на неё хорошо влияют, мол, спасибо и всё такое... тётя Валя, молча улыбалась, она вообще была молчаливой, как и бабушка ребят.

Вовка смастерил для девчонок дом, настоящий кукольный дом, со светом на батарейках, плитой, которая нагревалась и становилась тёплой, ванной и туалетом, где по-настоящему можно было искупать кукол. Это был ДОМ,...девочки были

счастливы. Часами они могли играть с этим домом.

За учебный год Оля как-то незаметно «подтянула» Катюшку по всем предметам в школе. Катюшка перестала быть капризной и требовать у родителей всё, что только «левая нога захочет». Бабушка вообще радовалась, глядя на внучку. Катюшка стала помогать ей по дому. Девочки вместе бегали за покупками в магазины, бабушке больше не приходилось таскать уже тяжёлые для её натруженных рук бутылки с молоком, кефиром, банки со сметаной. Вовка помогал девочкам с переноской тяжёлых покупок типа картошки. В общем, это была со всех сторон замечательная дружба.

Так они и продружили до следующего лета. Они не ссорились, не из-за чего было. А летом... летом всё рухнуло за неделю.

Сначала приехала в гости к родне из соседнего подъезда «летняя» Катюшкина подружка, горластая и драчливая девочка Дина. Она требовала звать себя «Динго», говоря, что она вот вся такая, как дикая собака. Дина вообще любила хулиганить и всех ссорить. Домашняя Катюшка шла за ней, как кролик за удавом. Когда Дина появлялась в их доме – «плакал» весь дом. Но Дину отправляли на каникулы к родне практически каждое лето, с этим приходилось мириться. Хотя это было сложно! Дина была жестока – могла закидать камнями собаку, пнуть малыша в песочнице, про драки с пацанами вообще можно было рассказывать бесконечно – и водой разливали, и наказывали прилюдно, ... Дину ничего

не брало. Она отрывалась по полной.

И вот мягкая и спокойная Оля столкнулась с «Динго»... Катюшка с Олей вышли поиграть во двор. Долго играть не получилось, Дина увидела их в окно. Конечно, Дине захотелось иметь двух «оруженосцев» вместо одной Катюшки. Тем более что в это лето девочке как-то удавалось избегать Дины с её проделками и драками. Дина чувствовала, что теряет верного «оруженосца», который, не особо сопротивляясь, выполнял все приказания «генерала Динго».

Дина вылетела во двор и бегом направилась к игравшим девочкам...

– Катька, почему ты не заходишь? У меня столько дел!!! У меня столько планов!!! Ты же должна мне помогать!!! Ты должна со мной везде ходить!!! – пока бежала, Динка орала во весь голос

– ты что, себе на лето собачку заводишь? – спокойный Олин голос остановил Динку «в полёте»

Так с Динкой ещё никто не разговаривал. Спокойно и, что самое главное, без страха... Динка растерялась – почему собачку? Хотя, Катька и вправду похожа на собачку, болонку... Динка начала хохотать, так ей понравилась эта мысль

Катька стояла с глазами полными слёз, она – собачка, болонка! Это было так унижительно. А ещё, что было самым обидным – её подруги говорили о ней, как будто она действительно была собачкой, такой маленькой, незаметной скотинкой... и Катюша не выдержала, она просто убежала домой.

Всё что происходило дальше между Диной и Олей девочка «досматривала» из окна. Да, те подрались, сильно и жестоко. Взрослые еле растащили их друг от друга.

Всю неделю девочки выясняли отношения, да так жестко, что родственники Дины потребовали от её родителей забрать Динку домой, иначе быть беде. За Динкой приехала мать, такая же горластая, как и дочь. С криками, что ноги их тут больше не будет, Динка с матерью укатили прочь. Оля же зашла к Катюшке.

– ты почему целую неделю не приходишь? – Оля была спокойна, ей просто было интересно, куда пропала Катя

– с поводка сорвалась... – Катюшка целую неделю растравливала в себе обиду

– глупая, я хотела тебя защитить, ты же беззащитная такая, мне тебя стало жалко! – Оле даже в голову не могла прийти, что она просто добивает и так обиженную подружку

– иди домой, пожалуйста, я с тобой больше не буду общаться – по Катюшкиным щекам ручьём текли слёзы, но она старалась «держать лицо» и говорить спокойно.

Оля молча ушла.

Всю следующую неделю Катюшка гуляла и играла с другими девчонками, делая вид, что ей весело и интересно. Радостно болтая обо всём на свете с девочками, она делала вид, что всё идет, как и должно идти. На вопросы девочек об Оле, она отвечала, что больше не может с ней дружить, мол, семья странная, ведут себя непонятно и вообще, у них дома чер-

ви везде ползают, тараканы и клопы. Бойтся она, что плохая семья это, просто Катюшка сразу не поняла. Девочка понимала, что такие слова мелкие и подлые, но не могла с собой ничего поделывать – обида жгла хуже огня, хотелось отомстить, обидеть побольнее.

Оля как-то подошла к Катюшке, сказала, чтобы та зашла к ним домой поговорить. Катюшка поворчала при девчонках, но все-таки зашла.

– Давай пойдём на балкон, чтобы бабушка ничего не слышала, она будет волноваться – предложила Оля

– Ну, на балкон, так на балкон... – Кате очень хотелось казаться такой бесстрашной и безразличной

На балконе Оля стояла и долго смотрела на Катюшку с совершенно непонятым выражением на лице, вроде и не злилась, но какое-то оно было чужое, незнакомое выражение, Катюшка чувствовала себя очень неуютно, но молча, исподлобья, смотрела на Олю.

– ты распускаешь про нашу семью сплетни – Оля посмотрела в глаза Катюшке – зачем? – хочешь обидеть меня, обижай, за себя я смогу постоять, но не смей трогать мою семью, поняла!

– ты... ты... – Катюшка не могла найти слов, чтобы сказать, как ей всё это надоело, как ей обидно, что лучшая подруга считает её бесполезной и слабачкой – ты же меня обзывала, собакой!

– я тебе повторю, я тебя защищала, я дралась из-за тебя.

Если бы не ты, то я не стала даже смотреть на такую, как Дина. А ты даже не понимаешь, распускаешь сплетни и говоришь гадости о нас. Возьми свои слова обратно! – Оля начала злиться

– нет!!! Никогда, пусть тебе будет так же плохо, как и мне! – Катюшке мало было это сказать, ей хотелось сильнее обидеть Олю, и она со всех сил толкнула её от себя.

На Катюшкину беду ограждение балкона было низким, балкон небольшим и Оля, потеряв равновесие, перелетела через перила балкона вниз. Обстоятельства были против обеих девочек. Упав со второго этажа, достаточно низкого, у Оли были все шансы выжить, пусть с переломами и травмами, но выжить, но... тонкий и длинный пенёк от срубленного деревца проколол девочку точно остро заточенная рапира. Шансов не осталось совсем. За стеклянной дверью балкона раненым зверем застонал Вовка. Он распахнул дверь балкона, за шкуру затащил Катю в комнату и позвал бабушку.

Почему Вовка не сказал бабушке о вине Кати, никто не знает, но бабушке было сказано о том, что Оля запнулась на балконе и выпала. Катю отправили домой, вызвали милицию, маму Вовы и Оли с работы.

Через две недели Вовка с бабушкой и мамой, не попрощавшись ни с кем из соседей, уехали, освободив квартиру. Это был обычный рабочий день на неделе. Катюшины родители были на работе, бабушка в магазине. Катюшка плача смотрела в глазок своей двери, как ушли бабушка и тётка.

тя Валя с Вовкой, как слесарь домоуправления, отключив газ, воду и свет, закрыл дверь квартиры с альковом. Катюшка не успела отойти от двери, как зазвенел дверной звонок. «Бабушка», подумала Катюшка, поворачивая защелку и распахивая дверь. За дверью никого не было.

«Теперь ты будешь жить с этим, помнить всегда! И смотреть только себе в душу!» – это был голос Оли.

Катюшка в страхе захлопнула дверь, повернула защёлку и, ... свет погас, совсем. День превратился в ночь.

Долгие годы родители Кати пытались вылечить ослепшую дочь. Но причины её слепоты так и не нашли. Врачи всё списали на нервное потрясение от гибели подруги, даже не подзревая, насколько они близки к истине.

Сидя в кресле в той же самой квартире, почти шестидесятилетняя Екатерина, Катя, Катюшка, плача шептала, даже не вытирая слёзы, льющиеся из незрячих глаз: «Помню, ... прости, ... не могу больше...»

Фикус

Пашке казалось, что училка на классном часе просто начнёт сейчас подвывать от восторга: «Дети... ребята!!! У нас социальная программа школы поддерживает старик... пожилых людей! Это потрясающее, доброе, нужное, важное дело!!! Мы будем помогать трём стар... пожилым людям. Наш класс взял над ними шефство!!!»

И тут же, сменив восторженно-пищащий тон на твёрдый деловой, пояснила, что класс будет разбит на десятки, каждая из которых будет «окучивать» дедушек-бабушек, закрепленных за их классом.

Пашка вздохнул. Он был домоседом. В классе его уважали и побаивались. Он бык «сам в себе человек которого лучше не трогать». Любил сидеть дома, занимался своими делами. С родителями ладил вполне себе ничего так, нормально ладил. Мог пожаловаться на неурядицы, если они появлялись, родители помогали, иногда прикрывали «косяки».

И вот теперь нужно будет куда-то идти, кого-то там шефствовать. Паша был вполне себе современным пятнадцатилетним подростком. Он напрочь не понимал, что это за шефство такое. Продукты притащить – так это и так волонтеры делают. Книга Гайдара про Тимура и его помогательно-показательную команду была им благополучно непрочитана, а сочинение по ней в своё время успешно стащено из всемирной

паутины. В общем, зачем всё эту нужно, Павел даже не подозревал. Ну, понятно, что «плюшки» получит школа. А вот что они будут делать?

Через пару дней их классу прикрепили конкретных трёх подшефных. Двух дедков и одну старушку. Делили класс территориально, чтобы поближе к старикам. Пашка попал в команду к старушкиным шефам, жила их подопечная в доме напротив. Он знал её, раньше она сидела на лавочке у своего подъезда с такими же подружками-ровесницами. Она никогда не ругала детей, в отличие от её подруг-сосежек. Они все у неё были цветочками, цветиками, еще какой-то цветистой малиной-травкой, Пашка как-то не запоминал, не интересно ему было. Что она делала сейчас, он даже не задумывался, вырос, во дворе не играл, ему до неё дела не было ну, вот, никак.

Решили они ходить по двое, как раз по количеству рабочих и учебных дней. В выходные – отдых, никто по чужим дедам не ходит, своим помогает, или дома сидит. Пашка заходил к этой старухе в дом стараясь не дышать – пахло стариковским душком, несмотря на огромное количество цветов в квартире. Она была вся заставлена какой-то зеленью. Просто всё – подоконники, шкафы, тумбочки, просто всё, любое свободное пространство. Всё было в цветах, растениях, деревцах. Одной из обязанностей ребят было как раз поливать все эти растения. Ведра три-четыре, не меньше, уходило на это «ботанический сад», как прозвал старушкины цветы

вынужденный Пашкин напарник Алик. Они поливали, протирали лисья, метёлки, ветки и слушали хрипатый бабкин голос: «Вот и молодцы, вот и умницы, саженцы вы мои родные. Вам же хорошо будет от такой заботы!» Пацаны терялись от странных слов и спешили поскорее сделать «обязаловку».

Прошел месяц, другой, мальчишкам до чёртиков надоело ходить раз в неделю к старушке и натирать цветочки, слушая странные речи. Пашке вообще все больше и больше не нравилась эта бабка. Какая я то она была странная, и взгляд у неё был тяжёлый, как будто он у неё миллион баксов стащил, а она его за руку поймала. И Пашка пожаловался родителям. Родители подумали-подумали и предложили Паше такой вариант – до конца месяца он ходит и делает свою привычную работу у этой старушки, а там экзамены начнутся. Мать с отцом сходят и объяснят бабушке, что всё, больше не будет Пашка ходить к ней, у него экзамены, он будет очень занят, готовиться будет. А потом у него начнутся каникулы, ему тоже нужно отдохнуть. Пусть волонтеры приходят, или еще кто.

Перед самыми экзаменами, за два дня до обязательного посещения старухи, матери позвонила родительница одной из одноклассниц. Они как раз за день до Пашки с Аликом должны были у бабки своё шефство отрабатывать. Маша не пришла домой ни вечером, ни ночью, ни утром... на звонки не отвечала, как и её «напарница». Матери девчонок схо-

дили с ума и не могли понять, куда девочки делись. Паше запретили идти к старушке. Алик пошел один и... пропал. Бабку посетил следователь, но та твердила, что: «...детки ушли, как всегда уходили...» Сомневаться в её словах было как-то, странно, что-ли. Маленькая, сухонькая, она была мельче даже самых худых девчонок класса. Да и куда бы она дела детей? К началу экзаменов пропало еще шестеро из класса. Родители выли от горя. Учителя делали испуганные лица. Полиция считала, что из учеников сбилась группировка, в которую вошли те, кто, не захотев сдавать экзамены, организовали побег из дома. То, что в этой компании были и отличники, и хорошисты, полицию не убеждало. Это же была такая стройная и понятная версия – сбежали и всё тут.

А старуха стала названивать в школу, требуя привычной заботы и прихода детей. Учителя обратились к родителям с просьбой самостоятельно разрулить эту ситуацию.

Пашкины родители пошли. Вдвоём. Вечерком, после ужина, рассчитывая на недолгий разговор со старушкой. И... домой не вернулись. Пашка их ждал полночи, потом уснул. Проснулся, побежал в спальню к родителям – нет никого, постель заправлена, на кухне и в зале никого не оказалось так же. Они не возвращались домой. Пашка закрылся вечером на задвижку. Он бы точно встал, чтобы открыть родителям двери. Что делать? Он даже не знал. Несмотря на всю свою внешнюю уверенность, Паша был всего лишь подростком. И родители не вернулись домой!!! Ну, не в полицию же

ему идти. Он позвонил папиной сестре. Там родители тоже не появлялись. Он решил пойти к подшефной старушке. Предупредил тётку, попросил её приехать. Пашка сильно испугался. За его 15 лет родители никогда, никогда так не попадали.

Пашка стоял перед уже знакомой дверью, из-под которой тянуло старческим душком. Он отчаянно трусил. Заходить в эту квартиру было неприятно, но вот страшно – впервые. Почему, Пашка и сам не знал. Рука просто налилась свинцом, позвонить в дверной звонок было так тяжело, как будто у него в руке была гантель, кило так на 30—40. Но неизвестность еще страшнее. Позвонил. Старуха дверь открыла сразу, ну, вот ждала она его, что ли? Будто под дверью стояла. У Паши мысль мелькнула, что прямо, как в ужастиках все.

– Пришел, молодец, росточек!!! – бабка опять завела свою шарманку с дурацкими словечками.

– Я Вам не росточек! Где мои папа и мама? Они вчера к Вам ушли, а домой не вернулись!!! Где они? Что Вы с ними сделали? – Пашка почти кричал, ему так было легче, не так страшно

– Росточек, росточек! – так мерзко захихикала бабка, что Пашку замутило – посмотри на меня, росточек, ты же хочешь к своим родным, хочешь, чтобы тебе было хорошо?

– Хочу, где они, что Вы скрываете? – у Паши не хватало слов, его трясло от страха и гнева. Он глянул в глаза старой карге и... как то странно стал себя ощущать...

Пашка хотел снова закричать, но не смог, хотел пошевелиться, но... ничего не получалось, как будто он лишился рук и ног...

Старуха взяла с порога квартиры красивый, ярко-зелёный молодой побег герани и посадила его к двум большим кустам, росшим в одном горшке.

– Вот вы и вместе, росточек... – бабка ухмылялась, глядя на растения.

Через неделю к старухе снова пришел следователь. Слишком много стало заявлений, слишком явно все совпадало. Все вело к старой карге. Пропали не только дети, но и несколько взрослых – родителей пропавших детей. Следователь пришел вечером, после работы. Ему так было удобнее, по дороге. Он не думал, что потратит много времени на разговор со старухой.

Она быстро открыла двери. С момента последнего визита у нее в квартире стало намного больше цветов и растений. Следователь поморщился: «Как люди могут так захламлять свое жилье? Не понимаю». Но приглашение выпить чай принял, ему нужно было внушить доверие бабке, вызвать на откровенность. Да и чай, вроде, нормальный был. Не дешевка, заваривала бабка чай при нём. Прихлёбывая чай, он начал задавать старухе вопросы. Но бабка отнекивалась: «не видела, не говорила, не помню, не знаю... посмотрите на меня, я уже совсем стара стала, разве ж я интересна всем тем, про кого Вы спрашиваете?»

Следователь глянул старухе в глаза, хотел понять, – врёт, или как... и не смог больше ничего спросить.

Бабка подняла с пола кухни огромный, красивый фикус. Достала для него горшок с землёй. Посадила, приговаривая, что так-то гораздо лучше, всем спокойно, расти мол, сам всё увидишь и узнаешь.

Подруги в выходные восхитились её новым приобретением. Ещё бы – царский фикус, с тёмно-зелёными, будто восковыми листьями в ладонь и мощным стволом. Настоящее дерево, а не горшечное растение. Старуха гордо хвасталась подружкам: «Полицейский подарил!»

Тухляк

Праздник был не за горами. Наиглавнейший праздник всех людей. Тот самый, с которым связывают все надежды, исполнение желаний и прочие «сбычи мечт» – Новый год. Все к Новому году готовятся, как могут. Кто-то заранее покупает подарки, кто-то путёвки в жаркие страны, каждый придумывает себе праздник по фантазии и по возможностям.

За две недели до Нового года в одном из дворов новёхонького жилого комплекса гуляли две мамы с детьми. Они были знакомы – школа у детей одна, класс один, во дворе удобнее гулять именно в этом и той, и другой семье. Мама были разные, объединяло их только количество, да возраст детей. Варвара была старше своей «подруги по прогулкам», лет на 10 старше, не меньше. Но возраст свой не озвучивала. Была спокойной и улыбочивой. Анна же, в отличие от Варвары, была взрывной, говорливой... «трандычиха», так называют таких в народе.

Если посмотреть, как гуляли дети, то можно было и удивиться. Варварин старший Игорёк, пятнадцатилетка, с воплями и смехом закидывал мелкую семилетнюю Илону снежками. Та пицала, смеялась и отбивалась от брата как могла. Они все перемазанные в снегу, довольные, слегка охрипшие от смеха и криков, уже подустали. «Спать хорошо будут» – подумала Варя. Двое Аниных – старший Кузьма и младший

Дмитрий чинно ходили по детской площадке, аккуратно залезали на тренажеры, предварительно спросив Аню, не против ли она этого тренажера, отряхивали любую, мало-мальски прилипшую снежинку со своих чистеньких и невозможно стильных комбинезонов.

Аня осуждающе глянула на Варю: «Тебе же все за ними чистить придётся разве можно так? Да и, смотри, у младшей шарф съехал неизвестно куда, того и гляди простынет. Будешь потом на лекарства тратиться!» Варя просто привычно отмахнулась от ворчания «прогулочной подружки», она привыкла, что Аня всем и всегда недовольна. К детям, несмотря на свой «раздолбайский» характер, Аня предъявляла очень даже жёсткие требования. Себе она позволяла всё – хорошие вещи она не берегла – «новые куплю», отмахивалась она на очередную испорченную модняшку. Покупала она, действительно, всё, всё, что захочет. Аня была достаточно полной, следить за собой она старалась, но как-то... финансово: модная окраска, причёска, наращенные ногти с красивым дизайном, татуаж, микроблейдинг и прочие штучки, которые позволяют выглядеть стильно. Хотя она выглядела скорее в стиле «дорого-богато». Дома она особо не напрягалась ведением хозяйства – приходящая домработница «тянула» всю работу на себе. К детям же была строга неимоверно: быть всегда тихими и незаметными дома, бойко «работать» на уроках, в школе быть лучше всех всегда и везде, одежду беречь и ни в коем случае не пачкать. Стригла их домра-

ботница, ибо «тратить на пацанячьи стрижки деньги – глупо!». Аня была умна, но всё просто «убивали» её нахальство и грубость. С ней мало кто общался, больше по необходимости, о дружбе вообще было странно говорить по отношению к Ане. Анечка вообще не сдерживала себя в эмоциях, считала такое полезным для нервной системы и для здоровья, в общем – она могла наорать на детей, мужа, который её безмерно обожал, учителей, да на любого человека вообще. Наорать прилюдно, не стесняясь в выражениях, стараясь посильнее унижить, побольнее «клюнуть». С мужем она тоже не особо сдерживалась. Всё у неё было «через край» – выяснение отношений, обсуждение домашних вопросов, всё на людях, без стеснения. Аня всегда была всем недовольна, всем и всеми. Она искренне считала, что всё должно вращаться исключительно вокруг её особы. Вся жизнь напоказ и очень громко! Вот Варя как-то справлялась с Аниным обществом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.